

11. БАНАНЫ И ГВОЗДИ

Расскажу, как в городке, расположенном на северо-востоке Беларуси неподалеку от границы с Россией, на моих глазах происходило исчезновение белоруса.

Городок стоит на реке, что свидетельствует об уме основателей, понимавших реку как артерию жизни. Истончавшая ныне артерия петляет между холмов в глубоком каньоне, что говорит о высоте и силе древней воды. Ниже по течению, за пределами городка, где начинается болото, река превращена в прямой безводный канал.

С высокого берега речная пойма в городке глядится лирично, коли не обращать внимания на курящиеся могильники мусора и на зловонные ручьи, в каковые улица Набережная перерабатывала свои кухни, огороды, теплицы, сараи, туалеты и истекала в реку, отравляя оную и окрест.

По уличным кочкам балансировала женщина, боясь выронить из рук литровую банку с молоком. Она подоила козу, что паслась у реки, на мусорной куче.

— Как называется ваша река? — спросил я.

— Никак, — сказала она, не остановившись.

Обескураженный ответом, я дошел до подвесного мостика, послушал рыжепенную воду. Неподалеку над рекой нависала ее отравительница — городская баня.

К мостику ехал на велосипеде мальчик лет десяти.

— Как называется твоя река?

— Не знаю...

К мостику шла красивая девушка в джинсах. Я ждал ее, чтобы удостовериться: неужели в городке течет безымянная река? Я был уверен, что таких рек на земле больше нет. Культура проявляется в том, что всему вокруг человек дает названия, обогащая лексикон, историческую память.

Имени реки девушка не знала. Она шарахнулась от седеющего мужчины, пристающего с глупым вопросом, но с явной целью. Знала, что если седина в бороду, то бес в ребро.

Я остался на мосту. Внизу текла река, от которой воняло, а вонючая река не является собеседником человека. Ба, еще девушка! Когда каблучки застучали по настилу моего моста, я спросил, как называется река.

— Не знаю, — кокетливо сказала девушка и остановилась, ожидая известного ей продолжения.

Но зануда спросил, как это так, живет здесь и не знает. Она сказала, что не ваше дело, и оставила меня.

Потерпев фиаско на мосту, я увидел, что в ста метрах, в ивнячке, у самой воды, женщина в рукавицах резала ножом крапиву, заталкивала ее в целлофановый мешок. Мы поговорили о крапиве. Питательна! Борщ хороший, если привыкнешь. Детям нужны витамины. Лето, но в магазинах ни капусты, ни лука, ничего. Речку, вспоившую крапиву, женщина назвала: Березина. Потом поправилась: Березанка. И засмузилась незнанием.

На какой же реке стоит городок? Впервые в жизни я находился в селении, основанном на безымянной реке. Не может такого быть! Вижу, в городском сквере пасутся коровы. В полдень женщины приходят их доить. Ну-ка спрошу.

Четыре женщины шли по улице с ведрами, обвязанными марлей. Тут я задал дурацкий вопрос. Они поставили ведра, заспорили, как называется река: Мушна или Мошна?

Путешественники прошлого отмечали, что малоразвитые племена Африки не имеют обыкновения бережно, как европейцы, именовать все, что создано природой. Названия получают лишь крупные горы, низины, реки. Чем ниже уровень общественного устройства, тем беднее местная топонимика. Это в Африке. Белорусские аборигены не знают названия местной доминанты — реки. Куда я попал? В какой век?

Вы, наверно, хотите уточнить, как называется городок? Это не важно. Гораздо важнее, что стоит он на реке Никак. Дам еще один ориентир: главная улица городка носит имя Ленина. По ее тротуару выстроились агитационные витрины, в которых красной тушью начертано: "Ими гордится район". Стекла витрин выбиты, портреты исчезли. Каким-то чудом сохранилась информация семилетней давности: в районе живут 23 тысячи человек, 40,6 тысяч коров, 12 тысяч свиней.

На главной улице, пересекающейся с рекой Никак, стоит ресторан "Юбилейный". Там я обедал. Нечто дорогое, невкусное, безымянное пытался уколоть вилкой. Крапива, видимо, вкуснее.

Зашел еще один голодный. Ознакомился с информацией о коровах и свиньях и надеется увидеть их на тарелочке с голубой каемочкой. Тощий мужичишка в резиновых сапогах и пятнистом маскировочном бушлате. Мучил его не голод, а похмелье. Заикаясь, просит у официантки водки. Водки нет. Пока не завезли. Они говорят громко, словно я — стул. Он не верит, что нет. Сует ей пятитысячные бумажки — одна, две, три... Она:

— Нету! Ни бутылки! Что ты, не русский, что ли? Я тебе русским языком говорю: нет!

— Скажи по-белорусски! — неожиданно меняет тему разговора мужичишка. — Я — белорус. Требую говорить со мной на государственном языке!

— Нина! — кричит куда-то официантка.

Из-за перегородки появляется огромных размеров тетка со шваброй. Тыкая шваброй поочередно в меня, в мужичишку, спрашивает:

— Которого?

— Этого, — показывает официантка, — требует, чтоб говорили с ним по-государственному. Поговори, Нина!

Нина подходит к белорусу, замахивается шваброй:

— Пошел отсюда!

Он беспрекословно попятился к двери.

Через окно я вижу, как белорус спустился к реке Никак, постоял над водой, пошел дальше, сливаясь маскировочным бушлатом с пятнисто-зеленой средой обитания. И вот уже не видно его. Исчез белорус.

Полностью репортаж из неназванного района, где живут 23.000 человек, 40.600 коров, 12.000 свиней, был опубликован в 1996 году в газете "Круг". В редакцию пришло письмо от женщины, несущей по грязной улице козье молоко с мусорной кучи и не знающей названия своей реки. Она себя узнала! Оскорбилась на слово "аборигены", которых я уравнил с коровами и свиньями. Меня отмщения ради обозвала "Миклухо-Маклаем".

Сравнение с великим русским путешественником — не оскорбление. Маклай пожил всего 42 года, из них 15 отдал изучению аборигенов Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании. Невероятно, 100-120 лет назад в Европе полагали, что, например, папуасы Новой Гвинеи — не люди, а побочная ветвь. Маклаю пришлось доказывать, что волосы у них на голове

растут не пучками, что им свойственны человеческие чувства застенчивости, любви, ревности, ответственности.

Николай Миклухо-Маклай направил немало писем правителям просвещенных государств, умоляя спасти мир от расизма, колониализма. Но было поздно. По планете катилась пан-эпидемия подавления "неполноценных людей" "полноценными людьми". Эта эпидемия прокатилась через 20 век, до 1991 года, до белорусских Вискулей, где волей и здравомыслием президент-троицы (Ельцин, Шушкевич, Кравчук) была упразднена последняя колониальная система СССР.

От последствий колониальной болезни человечество ужаснулось, однако предпочитает замалчивать их. В Америке не любят говорить о массовом истреблении коренного населения, о сплошной расправе прерий, о пыльных ураганах, о специальных территориях (резервациях), созданных для консервации остатков цивилизации аборигенов.

В Африке аборигены, получив независимость, попали в рабство взаимных претензий, бесконечно перекраивают территории обитания, уничтожая друг друга и не замечая, что делить нечего: зверье постреляли, землю испоганили рудниками, опустынили монокультурами.

В России единицы осмеливаются на покаянный плач о бескрайних сибирских просторах, затопленных искусственными морями, на плач об аборигенах, потерявших под теми морями уклад жизни, утопленных в русской водке, оглуленных в анекдотах "про чукчу", обреченных на исчезновение в ближайшие десятилетия, ибо создать резервацию по типу американской — значит, признать себя колонизатором-захватчиком, значит, признать право на освобождение и за "лицами кавказской национальности", и за прочими российскими аборигенами, которых Россия, по эвфемизму совестливого академика Дмитрия Лихачева, "собирала", но отнюдь не покоряла огнем, мечом, коварством.

Что происходит в Беларуси, мы видели в городке на реке Никак. Действует государственная швабра. Ухватившись за примитивный инструмент, белорусы выметают один другого. И не оторвать их от швабры, 200 лет назад всученной российскими "собирателями земель". Выпустишь швабру, потеряешь Россию.

Вспомните ключевое слово и мечту жизни последнего допрезидентского премьера Кебича. Это — "восстановление связей". Прислушайтесь к президенту Лукашенко и попробуйте определить отправную точку его воспоминаний и размышлений. Это — "союз". В 1994 году второй повалил

первого, схватил швабру и поскакал на ней куда-то. Нам не нужен в качестве государственного герба гордый всадник на коне, нам лучше проголосовать за мальчика на швабре.

Прочную связь Беларуси с колониальным прошлым обеспечивает, к примеру, химия. Из Кольского полуострова в Гомель везут ядовитую руду, перемалывают в фосфорные удобрения, отравляют вокруг Гомеля все живое. Имея в Солигорске калийную руду и неразрешимые проблемы с отходами ее переработки, Беларусь разместила химические производства в Бресте, Гродно, Могилеве, Бобруйске, Светлогорске. Накрылась вонючим колпаком. Так велел Союз.

Под воззваниями о "восстановлении связей" я вижу подпись академика Степана Скоропанова, теоретика мелиорации, проведенной в Беларуси на площади трех миллионов гектаров. Я много писал, как он рубил связь белорусских аборигенов с прошлым и будущим: обитателей болот делал степняками, лесных жителей превращал в полевиков, речных поселенцев ставил перед фактом сточной канавы, на берегу которой пасется 1 коза. Если Скоропанов и команда его учеников восстановят связи с властью (экономический кризис их разорвал), то белорусов ожидает судьба чукчи. От белоруса не останется даже анекдота, поскольку анекдот строится на ярко выраженном характере.

Потеряв характерную среду обитания, занимаясь навязанным ему делом, абориген теряет главнейшее человеческое качество — волю к сопротивлению. Безвольного человека можно сравнивать с коровой, хотя это обидно. Сравним с растением.

По логике академика мелиорации, растению в период начального социализма хотелось пить меньше, чем при развитом социализме. Политическая конъюнктура диктовала условия безвольному биологическому виду. Растению и человеку. В итоге растение сохнет, а человек идет на референдум и голосует за любое предложение власти. Усохшие аборигены нужны только для референдума, они, в отличие от растений, имеют способность передвигаться на избирательный участок.

Растение не знает названия реки, на берегу которой поселилось. Встретившиеся мне аборигены — тоже. По-моему, нет более убедительного подтверждения растительного существования человека.

Возвращаюсь к реке. На Реке родились Цивилизации. Без реки не представляю своего детства, себя как такового. "На моей ладони линия реки"

— так я назвал свою книгу (1987) о войне с белорусской природой на протяжении 20 века.

Река Винец текла в двух километрах от деревни Горск. Там мы, маленькие аборигены, пропадали все лето. На реке были и светлые песчаные перекаты, и темные бездонные виры. Как положено речке, она непредсказуемо петляла, когда мы исследовали ее берега. Я удивился, обиделся, возмутился, когда узнал, что Винец — не река, а канал.

Из "Энциклопедии природы Беларуси" (1983): "Винец, мелиоративный канал в Пружанском и Березовском районах. Длина 52 км. Действует с 1905 года". Я не поверил. Душа не согласилась. Никто из аборигенов не называл Винец каналом. Я решил поискать правду в архивах.

В Центральном государственном историческом архиве Беларуси (Гродно) в "Указателе шоссейных и проселочных дорог по Гродненской губернии за 1817 год" я нашел свою деревню и свою реку. О Горске было написано, что от соседней деревни Ригаль он находится "заречкой" (слитно). И далее так: "В сем месте чрез речку Виниц моста нет, а едут глубоким бродом, где и ширина болота на 1/4 версты, далее дорогой пуца Кобринская" (фонд 1, опись 1, ед. хр. 932, стр. 44). Речка, но не канал!

В 1905 году царская власть спрямила Винец (Виниц) и забросила. Чтобы вмиг не иссушить землю, природная вода течет в океан не прямолинейно, петляет, замедляет ход. Речка Винец восстановила кривизну.

В тридцатых годах ее спрямили польские власти и тоже проявили бесхозяйственность, за каналом не смотрели — и второй раз возродилась река. А вскоре на берегу родился я.

В шестидесятых годах Винец спрямила советская власть. Чтобы река не возродилась в кривизне и неспешности, ее берега укрепили бетоном, деревом. Я вижу: вода без устали точит бетонную плиту, подмывает под ней песок, вот-вот обрушит искусственный берег и потечет вкривь и вкось, а не так, как велели царские, польские, советские колонизаторы.

Не знаю, кто назвал реку Винец каналом и зафиксировал на карте. Не смог узнать, кто обязан восстановить мою, аборигена, связь с родиной и на всех картах написать: РЕКА ВИНЕЦ. Я звонил в государственные учреждения, но везде реагировали с равнодушием и смешком: какая вам разница? Государство, которое не волнует переживания аборигена, всегда будет чужеродным, привнесенным, античеловеческим.

Церковь стояла в конце длинной деревенской улицы, залитой асфальтом. Только по ней ехали венчаться женихи и невесты окрестных деревень. Можно было попасть в храм и с другой стороны. Но какая уважающая себя свадьба полезет в грязь, в пыль, в посмешище.

На изломе улицы, откуда уже просматривались золотистые церковные луковицы, свадебный кортеж встречал преграду. У тротуара стояли на крестиках-подставках зеленые елочки, в центре проезжей части стоял стол, застеленный белой скатертью, на столе — бутылка, перевязанная красным бантом, две хрустальные рюмки. За столом сидели три важных мужика.

Свадьба тормозила. К столу подходил руководитель кортежа, спрашивал, в чем дело, хотя все знал заранее. Троица требовала молодых, чтобы поздравить. Молодые являлись, им наливали в рюмки. Один из мужиков говорил речь, второй стоял рядом и кивал головой, третий — отлучался с начальником свадьбы к его машине, получал три бутылки самогонки и пакет с закуской.

Молодые пригубливали, выливали за спину. Их сажали на скамейку, трижды приподнимали: ура! ура! ура! Стол отодвигался, освобождая свадьбе путь на небеса. Троица действовала в зависимости от обстоятельств. Если, по донесениям разведки, еще в какой-либо деревне справляли свадьбу, оставались ее поджидать. Если свадеб больше не предвиделось, забирали декорации, относили в соседний двор, где хозяйствовал один из троих, начинали гулять всей улицей.

Вот классический пример извлечения аборигенами выгоды из аборигенного месторасположения. Вот доказательство, что и белорусы бывают оборотистыми.

Через Беларусь текут в Европу российские нефть и газ, плывут капиталы и товары всего мира. Беларусь никому не обминуть. По белорусской улице обречены передвигаться бесчисленные транзитные свадьбы, но нет и нет праздника на нашей улице, ибо на ней обитают лопухи.

Посмотреть, так есть кому подсуетиться: Лукашенко умеет красиво говорить, Шейман — умно слушать, Тозик — проверять, Козик — исполнять. Могли бы мужики безбедно жить и нам, аборигенам, скатерть-самобранку предложить. Увы, в мае 1995 года у дубровенской деревни Редьки Лукашенко с Черномырдиным убрали с нашей улицы многообещающий стол, скомкали нашу скатерть-самобранку. "Открыли границу". Установили "таможенный союз". Черномырдина, потерявшего окна и двери в Европу, имеющего лишь

белорусский коридор, понять можно. А коридорного Лукашенко, аборигена — как понять?

Специалисты давно подсчитали, что белорусы могли бы жить за счет транзитных сборов. Могли бы даже процветать, если бы аборигенная смета стала государственной политикой.

По главной европейской дороге от западной границы Беларуси до восточной примерно 650 километров. Каждый метр может стать золотым, если понаставить мотелей, ресторанов, заправок, магазинов, а белорусских аборигенов научить хорошо обслуживать "транзитные свадьбы". Двенадцатилетние мальчишки, кстати, уже научились — моют машины. Девочки постарше усаждают уставших водителей. Придорожные крестьяне высыпали на обочину с яблоками и дарами леса. Бритоголовые парни надели белые колпаки, занялись шашлыками. И, слышу, матерят колхозного тракториста, который пашет впритык к лесочку, где стоит их шашлычная под освежающим названием "Ветерок".

Тракторист отпугивает клиента. Парни вытащили его из кабины, говорят: "Не пыли!" Абориген схватил ломик: "Разойдись, паразиты!" Его так воспитали: он кормилец страны, все остальные паразиты. Парни в белых колпаках не только крутые, но и наблюдательные. Бить тракториста не стали, вступили в дискуссию. "Ты загрязняешь родину, — говорят. — В прошлом году пылил тут под лен, а его собрали и сожгли. Ты производишь пыль и дым".

Парни не врут. Валютоносный лен сжигают по всей стране, лишь кое-где гноят. Обеспечивают "мясо-молочное направление Беларуси", определенное Госпланом СССР. Все силы бросают на коров, дающих удои козы, и на бычков, не желающих расти на плохих кормах, которые, в свою очередь, не желают расти на распаханых торфяниках, ставших сыпучими песками. Мясо-молочная специализация, навязанная Беларуси союзными колонизаторами, строилась на песке, на боли аборигенов, наблюдающих, как под гигантские свинофермы с родной околицы снимают скальпы.

Современники, почувствуйте боль аборигенов! 21 век станет веком ихнего возрождения. Аборигены вправе забрать отобранное у них. Забирая, не всегда будут корректны, цивилизованны. Восстанавливая аборигенные сферы жизни и хозяйствования, они наломают дров, обидят инородных (Латвия, ЮАР, Чечня).

Простите их. Не называйте сепаратистами, националистами, варварами. От них родилось удивительное разнообразие мира. Все попытки привести мир к единому шаблону провалились. Мир вернулся к основам своей устойчивости

— к построению большого из малого. Доведя до совершенства малое, аборигены Европы пришли к необходимости объединиться. Дайте свободу всем аборигенам — и они ВОССТАНОВЯТ СВЯЗИ с вами, исходя из собственных интересов.

Только не болтайте о "братской дружбе" народов. Она — редкость даже среди родных братьев. Народы не дружат, а сотрудничают на взаимовыгодных условиях. Либо обмениваются товаром (торгуют), либо отбирают его друг у друга (воюют). Абориген-рус Миклухо-Маклай, высаживаясь на папуасский берег, запасся гвоздями — и вволю ел бананы. Белорусским аборигенам выставить на обмен (продажу) нечего, они разучились самостоятельно, вне "дружеских связей", выращивать свой полноценный "банан". Без банана не будет и гвоздя.

Безбанановых аборигенов называют "тутэйшыя" (здешние).

1998